

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

О. И. Смирнова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИТИКИ ТЕКСТА

(«Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Шах-наме»
Фирдоуси и «История Бухары» Наршахи)

Вопросы установления максимально правильного текста не могут не интересовать специалистов, которым так или иначе приходится иметь дело с рукописными произведениями.

Как известно, основная масса источников, имеющих в распоряжении востоковедов, до последнего времени представлена обычно рукописями или основанными на них изданиями, зачастую являющимися простым их воспроизведением. В этой связи анализом текста, восстановлением максимально правильного текста (отдельных частей, мест сочинения) приходится заниматься почти всем исследователям и им же приходится разрешать в каждом отдельном случае задачи критики текста. Именно в этом плане автору настоящей статьи неоднократно приходилось работать над разнохарактерными первоисточниками. Некоторые наблюдения, сделанные в процессе этой работы, были доложены на первой всесоюзной сессии по восточной текстологии, имевшей место в 1962 г. в Москве. Настоящая статья, подготовленная в свое время для текстологического сборника сессии, является лишь изложением этого доклада.

Всем известно, что рукописные сочинения, за редким исключением, не доходят до нас в своем первоначальном виде, в том виде, в котором они были написаны автором. Путь их сложен. Проходя через руки переписчиков и редакторов, тексты их зачастую претерпевают такие изменения, что лишь отдаленно напоминают оригинал. Со временем, в зависимости от того, насколько был велик интерес к тому или иному сочинению (об этом мы можем часто судить по количеству его разновременных списков и редакций), меняется не только его язык, но и форма и содержание (последнее относится в основном к сочинениям прозаическим). Редакторы не только перекомпоновывают текст, они вводят в него новые известия, добавляют целые разделы (главы, эпизоды) и опускают не интересующие их места, руководствуясь требованием своего времени. В свою очередь меняют и, надо сказать, довольно существенно текст переписчики. Последние в основном ограничиваются добавлениями, носящими в большинстве своем характер пояснений к тексту, не выходящих за пределы комментария к неясным, по их мнению, местам. Но, что важнее для критики текста, именно переписчикам мы обязаны изменениями в языке оригинала, который последние приближают к нормам своего времени (синтаксис, терминология, идиомы и т. д.).

Поэтому естественно, что прежде чем использовать в любом аспекте то или иное сочинение, следует отчетливо представить себе его отношение к оригиналу, иногда представленному разными авторскими редакциями.

Прежде чем перейти к частным вопросам, затрагиваемым в настоящей статье, необходимо коротко остановиться на основных задачах, стоящих перед исследователями текста и требующих решения. Первая из них — определить ценность сочинения как источника, вторая — установить для этого сочинения текст, заслуживающий доверия, текст, документально обоснованный, который может быть положен в основу исследования любого порядка. В этой связи в задачи критики текста входит также проверка достоверности известий источника.

Для того чтобы с успехом выполнить эти задачи, прежде всего необходимо установить историю формирования дошедшего до нас текста, зачастую достаточно сложную. Не установив истории текста, иными словами, не определив основных изменений, которые претерпел тот или иной текст с того времени, когда было написано сочинение, нельзя уяснить себе, в каком плане должна пойти его критика.

От истории сочинения, его, так сказать, биографии и состояния текста зависят и задачи, стоящие перед текстологом-издателем, которые могут быть сведены к трем основным, а именно:

1. Восстановление авторского оригинала путем привлечения источников, использованных его составителем. Это задача, которая может быть выполнена, как правило, лишь при наличии рукописи, близкой по времени к оригиналу.

2. Подготовка текста, документально наиболее близкого к оригиналу (авторским редакциям), на основе прочной рукописи, временем которой этот текст будет датироваться.

3. В том случае, если дошедший до нас текст представляет позднейшую обработку не сохранившегося оригинала, название которого он носит, подготовитель текста должен по возможности установить время, характер и текст позднейшей обработки сочинения и по возможности выделить части, принадлежащие оригиналу и сохранившиеся в тексте этой позднейшей обработки.

Эти положения могут быть проиллюстрированы соответствующими примерами — тремя известными сочинениями, упомянутыми в названии настоящей статьи: «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, *Шах-наме* Фирдоуси и так называемая «История Бухары» Наршахи.

Разберем первый случай — восстановление авторского оригинала. В качестве примера для данного случая рассмотрим те задачи, которые стояли перед подготовителями критического текста «Сборника летописей» Рашид ад-Дина.

Законченное в 1310-11 г. сочинение Рашид ад-Дина дошло до нас в нескольких списках. Известно, что Рашид ад-Дин в свое время позаботился об изготовлении нескольких копий своего труда, которые были выполнены квалифицированными переписчиками под его наблюдением. Эти списки послужили, как можно полагать, прототипом для позднейших. Уже одно это обстоятельство должно было обеспечить точность текста. Этот вывод подтверждается состоянием дошедших до нас рукописей. Единственным текстовым изменением, которому они подвергались, явились интерполяции, к тому же содержащиеся лишь в поздних списках. Как полагают, списки, содержащие интерполяции, представляют редакцию времени Шахруха. В основу издания, предпринятого ИВ АН в 1938 г., были положены две старейшие рукописи, текст которых почти тождествен. Одна из них (стамбульская) датируется 1317 г. и, следовательно, была переписана еще при жизни автора; вторая (ташкентская), без даты, относится к тому же XIV в. Однако текст,

который дают обе рукописи, все же местами попорчен. Встречаются пропуски и описки; кроме того, значительному искажению подверглись имена собственные тюркские и монгольские и в еще большей степени — китайские и европейские, а также иранская географическая номенклатура, незнакомая переписчикам. Между тем для передачи тюрко-монгольских и китайских имен и слов, как сейчас уже может быть установленным, Рашид ад-Дин и участники его работы прибегали к определенной транскрипции, от норм которой они, как правило, не отклонялись на всем протяжении летописи. В дошедших до нас рукописях «Сборника летописей» Рашид ад-Дина большинство чуждых персидскому языку географических названий, имен собственных и значительная часть терминологии оказались настолько сильно искаженными ее переписчиками, что возможности восстановить их первоначальное написание в оригинале у Рашид ад-Дина на основании разночтений в рукописях не было и нет. Существующие исследования также не дали достаточно четкой номенклатуры, которая могла бы послужить основой для восстановления графической ее передачи средствами арабского письма в тексте летописи.

В процессе работы над переводом первого тома (часть вторая) удалось выявить ряд первоисточников Рашид ад-Дина, использованных им и его помощниками в этой части летописи, что значительно облегчило дальнейшее восстановление текста. Привлекая эти первоисточники, оказалось возможным исправить ряд искаженных переписчиками мест, а также восстановить многие имена и названия, встречающиеся в летописи, чуждые ее языку, о которых шла речь выше, в том числе топонимику Тангута и Северного Китая, а также тюрко-монгольскую и китайскую терминологию разного плана. С этой целью были привлечены: дошедшая до нас версия «Сокровенного сказания» о поколении монголов¹, китайская версия «Сказания о Чингизе»², китайская «История первых четырех ханов»³ и *Ган-му*⁴, а также арабские и персидские сочинения: Ибн ал-Асира⁵, дословные переводы отдельных мест которого введены в текст летописи, Джувайни (*Та'рих-и Джухангуша*)⁶ и Джузджани (*Табакат-и Насири*)⁷.

При работе над переводом летописи выяснилась одна интересная особенность, касающаяся ее языка. Части, включающие родословную Чингиз-хана и историю его борьбы с тюркскими племенами, а также касающиеся походов на Тангут и Северный Китай, не только отличаются от остальных частей своей терминологией, что могло явиться естественным следствием их содержания, но и своим синтаксисом и словарем, специфичность которых невольно останавливает внимание читателя.

¹ *Юань чао би ши*, Пекин, 1908; переводы: *Старинное монгольское сказание о Чингис-хане*, [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866; С. А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.*, т. I, М.—Л., 1941.

² *Шэн-у цинь-чжэн лу* в сб.: «Мэн-гу ши ляо сы-чжун», изд. университета Цинхуа, 1926; перевод: *Старинное китайское сказание о Чингис-хане*. Перевод с китайского архимандрита Палладия. — «Восточный сборник», т. I, СПб., 1877.

³ *Юань-ши*, Шанхай, [б. г.].

⁴ *Цзы чжи тун-цзянь ган-му*, [б. м.], 1933 (далее — *Ган-му*).

⁵ *Ibn-el-Athiri Chronicon...*, ed. C. J. Tornberg, vol. XII, Upsaliae, 1853.

⁶ *The Ta'rikh-i-Jahān-gushā of 'Alau 'd-Din 'Aṭā Malik-i-Juwaynī*. Ed. by Mīrzā Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahhāb-i-Qazwīnī, pt I, Leyden—London, 1912 (GMS, XVI).

⁷ *Ṭabaqāt-i-Nāsiri: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia...* Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881; Index, Calcutta, 1897 (Bibliotheca Indica, NS, vol. 272—273).

В то время как часть летописи написана прекрасным персидским языком, лапидарным, но вместе с тем выразительным и красочным, для языка другой, в сущности основной, характерны тяжелые синтаксические обороты, не свойственные персидскому синтаксису, и загруженность словаря тюркской и монгольской лексикой. Создавалось невольное впечатление, что перед нами различные искусно (но искусственно) соединенные вместе произведения разных авторов.

При сличении текста летописи с текстами «Сокровенного сказания» и «Сказания о Чингизе» выяснилось, что в ряде случаев летопись является текстуальным переводом соответствующих частей этих двух сказаний, что и отмечено в изданном переводе Рашид ад-Дина. Но что касается «Сокровенного сказания», то Рашид ад-Дином была использована, видимо, иная его версия. При этом переводчиком (или переводчицами) добавлялись по мере необходимости пояснения, четко выступающие на фоне основного текста — персидского перевода. Сличение ряда мест летописи с соответствующими местами у Ибн ал-Асира и у Джүзджани в свою очередь позволяет говорить не только об использовании автором этих источников, но и о текстуальном переводе первого и цитировании второго. Аналогичный факт давно установлен в отношении труда Джувайни, как известно, использованного Рашид ад-Дином. Эти наблюдения над летописью также значительно облегчили работу над критикой представленного рукописями текста.

Неиранская номенклатура, встречающаяся в сочинении, — географическая, историческая и социальная, а также имена людей, их прозвища восстанавливались следующим путем: за основу бралось соответствующее название из монгольского, китайского или другого текста; это слово сопоставлялось с его воспроизведением арабской графикой в тексте летописи, с учетом возможных конъектур арабского его написания. Установленная таким образом графическая передача искомого слова арабским письмом вводилась в текст. Правильность принятого метода подтвердилась, когда удалось установить определенную закономерность в передаче Рашид ад-Дином чуждых персидскому языку имен, названий, терминов средствами персидской графики (т. е. по существу определенной отработанной транскрипции, о которой упоминалось выше и о которой мы можем судить хотя бы по тем соответствиям в монгольском письменном и в тексте Сокровенного Сказания, с помощью которых нами корректировалась летопись)⁸. Так, например, слово *буғурчи* (ар. графикой *بغوردچی*), вар. *бәурчи* передает письменное монгольское *баһурчи*, *боорчу* Сокр. Сказания; *чаған* (*چغەن*) — монг. письменное *чаһан*, *чаан* Сокр. Сказания; *буғул* (*بغول*) — монг. письменное *боһол*, *боол* Сокр. Сказания; *туғрил* (*طغردل*) — *тоорил* Сокр. Сказ., тогда как *қадан* (*قدان*) соответствует *Хадаан* Сокр. Сказ., *қуда* (*قدا*) — монг. письменному *худа*, *туқтā* (*تقتا*) — *тохтоа* Сокр. Сказ., а вместе с тем имени племени в летописи *қунқират* (*قنقرت*) соответствует унгират Сокр. Сказания. Или, например, *на'уір* (*نأوور*) пер-

⁸ См. Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952. Перевод с персидского О. И. Смирновой. Редакция проф. А. А. Семенова, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой к переводу. В примечаниях приводятся в транслитерации собственные имена, названия, термины и т. д., встречающиеся в летописи, и параллели для них, взятые из соответствующих мест первоисточников Рашид ад-Дина «Сокровенного сказания», «Сказания о Чингизе», «Истории первых четырех ханов», *Ган-му*, а также упомянутых в статье арабских и персидских сочинений.

сидского текста передает *наһур* монг. письменного и *нау*р Сокр. Сказания и т. д. Указанные закономерности представят, вероятно, определенный интерес и для диалектологов (тюркологов и монголистов). Встречающиеся в тексте Рашид ад-Дина названия местностей с монгольскими суффиксами местного падежа (например, *тэлэту амасар-а* собственно «в Тэлэту амсар») указывают, что составители летописи пользовались непосредственно монгольским текстом. Труднее обстояло дело с китайскими словами, в том числе и именами. Так, если в слове *кайзун* летописи было легко узнать имя первого императора южной сунской династии Гао-цзун, то не сразу можно было догадаться, что сочетание *рэй-лиу* (رای لیو) в персидском тексте является передачей (искаженной) китайского *да-ляо* (*дай-леу) и что его следует исправить на *дэй-лиу* (دای لیو), а *рэй-ун* (رای ون) восстановить и читать *дэй-ун* (دای ون) соответственно китайскому *да-ван* (*дай-он) — большой ван⁹. Восстановленный таким образом текст можно считать если не тождественным, то во всяком случае почти адекватным оригиналу. Я говорю так осторожно, учитывая то обстоятельство, что о тождественности текста можно было бы говорить только при наличии автографа или авторского экземпляра.

Перейдем ко второму случаю — изданию текста, документально наиболее близкого к оригиналу, на основе прочной рукописи.

Такая задача стояла и стоит перед филологами, исследующими текст *Шах-наме* Фирдоуси. О том, что такое поэма Фирдоуси и какова ее ценность, говорить не приходится. Списки этого произведения многочисленны и разнообразны. История сложения текста дошедших до нас копий далеко не ясна. Многочисленные, уже существующие исследования свидетельствуют об этом с достаточной ясностью. По мнению Е. Э. Бертельса, текст деформировался сильнее всего на протяжении первых четырех веков после смерти автора. Самая ранняя из известных копий относится к XIII в. К XIII же веку, к его началу, относится арабский перевод поэмы, который, как полагают, выполнен на основании списка XII в. и представляет одну из двух авторских редакций поэмы.

Всем известно, что произведение Фирдоуси было крайне популярным и переписывалось бесконечное число раз. «В силу этих причин, — пишет Е. Э. Бертельс в своем предисловии к изданию критического текста *Шах-наме*, — текст „Шах-наме“ подвергался значительным изменениям и искажениям уже в первые столетия после смерти автора»¹⁰. К этим словам следует добавить еще и то, что сюжеты большинства рассказов *Шах-наме* пользовались широчайшей известностью в народе и бытовали в фольклоре, в связи с чем текст *Шах-наме* подвергался не только письменной обработке, но и устной — фольклорной, результаты которой не могли не отразиться в целом на поэме. Последнему благоприятствовала и форма поэмы, написанной одним из самых легких для подражания размеров — мутакарибом. И многим изменениям текста мы обязаны, как мне представляется, своеобразным заимствованиям именно из фольклора.

⁹ Там же, стр. 77, прим. 7, 8, 9 и др.

¹⁰ Фирдоуси, *Шах-наме*. Критический текст, т. I. Под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960. Предисловие редактора, стр. 9 и сл. Там же изложены задачи, поставленные подготовителями критического текста поэмы, и принципы, которыми они руководствовались; дается краткая характеристика рукописей, использованных для издания.

Издание нового критического текста поэмы было предпринято в 1950 г. Институтом востоковедения АН СССР. Подготовителями его исследованы имевшиеся в их распоряжении списки, установлены две их основные группы, в первую из которых вошли рукописи, восходящие, как полагают, к списку 829 г. х. (1425 г. н. э.), к так называемому байсункарговскому тексту. Ко второй принадлежат рукописи как моложе XV в., так и старше, но восходящие к рукописям младше XV в.

В основу издания положена рукопись XIII в. (лондонская). Таким образом, подготовители текста поставили перед собой цель — издать документ XIII в., приблизив его по возможности к оригиналу путем критики текста. Задача не из легких.

Прежде всего было необходимо продолжить работу, столь успешно начатую прежними исследователями, — наметить и выделить интерполяции, сохранившиеся еще в тексте, уточнить и установить в ряде случаев порядок бейтов. Расширение текста поэмы за счет интерполирования не только отдельных бейтов, но целых эпизодов — явление обычное.

«Встречая у Фирдоуси изложение популярных сюжетов, отличающееся от версий, известных по другим источникам, — пишет Е. Э. Бертельс, — редакторы, считая версию Фирдоуси неправильной или почему-либо неуместной, изменяли ход рассказа, вводили в него новые главы и эпизоды»¹¹. Вводили они повторно эпизоды, заимствованные ими у самого же Фирдоуси, из той же поэмы, видоизменяя и приспособляя их к соответствующим ее местам. Так, например, оказалось, что хорошо всем известный рассказ о выборе коня Сохрабом имеется только в двух из использованных нами рукописей, между тем как в такой рукописи, как лондонская, и в современном ей арабском переводе поэмы этот эпизод отсутствует полностью. Исследование отдельных бейтов отрывка, сличение его текста с рассказом Фирдоуси о выборе коня Рустамом позволили установить его зависимость от последнего — эпизод в целом оказался позднейшей вставкой. Позднейшей вставкой являются и бейты, в которых Рудабе оплакивает погибшего Сохраба, и плач матери последнего над телом сына¹². Что касается интерполяций, принадлежащих переписчикам и сказителям, отдельных строк, то они носят разный характер; зачастую таковые заимствовались ими из других мест той же поэмы, но в основном это были бейты, вводимые ими в качестве пояснений к тексту или подчеркивающие их содержание. Такое расширение текста производилось чаще всего путем «повторов», т. е. добавлением бейтов, повторяющих мысль автора, Фирдоуси, заключенную в предыдущих строках; в других выражениях и словах. Так, рассказывая о Рустаме, Сохраб говорит следующее:

میان سپه در نماوند نهان
نگهبان هر مرز و هر کشورست
به پیل دمان تخت و افسر کشد
چو برخیزد از دشت آوای غو

کسی کو بود جهان پهلوان
ژو گفتی که بر لشکر او مهترست
[بوزمی که کاؤس لشکر کشد
جهان پهلوان بایش پیشرو]

В двух рукописях два последних бейта (взятые в скобки) отсутствуют, что позволяет вывести их из текста, к которому возвращается его должная сжатость и отчетливость фразы. Такие интерполяции двух-

¹¹ Там же, стр. 10.

¹² Там же, т. II, 1962, стр. 258 (прил. VI и VII).

трех бейтов для текста наиболее характерны, и примеров этому можно привести немало.

Но если мы часто говорим о позднейших интерполяциях и о необходимости их изъятия из текста, то значительно реже обращаем внимание на необходимость восстановления выпавших из текста строк (опущенных или упущенных). Любопытным примером такого случая может служить бейт 37 главы о Гаюмарсе¹³, отсутствовавший до сих пор в изданиях, но сохранный рядом рукописей:

سیامک بدست خروزان دیو تبه گشت و ماند انجمن بی خدیو
«Погиб Сиамак от лапы *خروزان*-дива и остался анджуман без главы».

Подготовители нового критического текста при издании первого тома поэмы также поставили подлинность бейта под сомнение, в связи с чем взяли этот бейт в скобки.

В поэме в данном бейте речь идет о сыне Ахримана (Злого духа), умерщвленном Гаюмарсом — первочеловеком, сотворенным Ахура Маздой (Ормуздом). В единственном пехлевийском тексте (Меноки храт), где имеется упоминание о легенде, связанной с сыном Ахримана и Гаюмарсом, первый из них носит название Арзур (*Arzwr*).

В наших рукописях имя сына Ахримана пишется *خروزان* (Л), *خروزان* (IV) и *خرورای* (VI). Согласно Бируни, сын Ахримана именовался *خرزوره*. Пехлевийская графика позволяет читать его имя **Harzwr* вместо принятого до сих пор *Arzwr*. В таком случае как наши рукописи, так и Бируни воспроизводят графически правильную форму этого имени, что и было установлено автором настоящей статьи при переводе первого тома поэмы Фирдоуси на русский язык¹⁴. Таким образом, бейт представляется отнюдь не сомнительного происхождения, и введение его в текст обязательно с соответствующей конъектурой первого мистра.

Кроме расширения текста путем интерполяций, изменение текста шло по линии его облегчения — упрощение синтаксиса и образов, их стандартизация, не говоря о стремлении освободиться от архаизмов языка, стремлении к его модернизации (условно употребляя это выражение). Упрощая синтаксис, переписчики и в особенности сказители стремились прежде всего ограничить предложение рамками одного, максимум двух бейтов, чего Фирдоуси отнюдь не придерживался. Трудно себе представить, чтобы позднейшие переписчики, а тем более сказители, вводили в поэму непривычные их среде написания имен таких, например, как старая диалектальная (возможно, согдийская) форма имени Сиавуша *سیاوخش*, вместо обычной хорошо известной им *سیاوش*. Между тем замена одной формы другой неизбежно вызвала изменение фразы в связи с нарушаемым метром. Простейшей иллюстрацией к сказанному может служить часто встречающееся в третьем томе поэмы в начале того или иного бейта сочетание таких слов, как *سیاوخش* *گفت*, которые при замене переписчиком имени *سیاوخش* на более привычное ему *سیاوش* в свою очередь заменялись словами

¹³ Там же, т. I, стр. 30, бейт 37.

¹⁴ Набранный в 1959 г. русский перевод первого тома *Шах-наме*, подготовленный автором настоящей статьи, и сопровождавший его комментарий не были опубликованы по не зависящим от автора обстоятельствам.

بگفت سیاوش, благодаря чему нарушенный метр восстанавливался. Любопытно, что в рукописи, принадлежащей Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде и использованной нами при новом издании критического текста поэмы (рук. IV), появляется третья форма имени سیاووش, которую переписчики ввели в текст для восстановления нарушенного метра в аналогичных случаях.

Сложные и малопонятные образы, как было уже сказано, стандартизировались, в связи с чем текст Фирдоуси терял свою специфичность. Неплохим примером стандартизации текста могут служить несколько строк из рассказа о бегстве Фарангис с Кайхосровом и Гивом из владений Афрасиаба. Узнав, что Фарангис и ее спутники благополучно переправились через Джейхун, Афрасиаб, придя в ярость, в свою очередь вознамеревается пересечь Джейхун. Тогда к нему обращается Хуман:

براندیش و آتش مکن در کنار	بدو گفت هومان ای شهریار
همی در دم و چنگ شیران شوی	تو با این سواران بایران شوی
چو طوس و چو گرگین و آن انجمن	چو گودرز و چون رستم پیلتن
که ایدر بچنگال شیر آمدی	همانا که از گاه سیر آمدی

Сказал ему Хуман: О государь, подумай хорошенько, не гневишься.

Ты идешь в Иран с этими всадниками, идешь в жаркую пасть и лапы львов,

Таких, как Гударз, как Рустам-Слонотелый, как Тус, как Гургин и весь их анджуман.

Ты пресытился, видимо, престолом, явился сюда ко льву в лапы.

Речь пойдет о второй строке, а именно:

تو با این سواران بایران شوی همی در دم و چنگ شیران شوی

В этой, казалось бы, такой ясной строке переписчики не были уверены, о чем мы можем судить по вариантам второго ее мисра, имеющимся в рукописях:

Рукописи Л и I	—	همی در دم و چنگ شیران شوی
Рукопись IV	—	همی در دم چنگ شیران شوی
Рукопись VI	—	همی در دم و گاوشیدان شوی

Последний вариант, на первый взгляд, представляется лишенным смысла, но именно он является почти правильным. В этимологических персидских словарях упоминается имя сказочного дракона گاوشید, долго опустошавшего Иран и причинившего ему многие беды¹⁵. Согласно преданию, этот дракон был уничтожен Киром, который в память об этом событии воздвиг великолепный храм огня. Можно думать, что Фирдоуси, прекрасный знаток иранской старины, употребил здесь имя этого дракона в нарицательном смысле, взяв его во множественном числе گاوشیدان «гавшиды». Переписчики же превратили گاوشید-ов в دم گاوشیدان, а затем непонятное для них сочетание слов دم گاوشیدان сперва в دم و گاوشیدان, а затем, заменив گاوشید словом چنگ, получили, с их точки зрения, хороший текст: همی در دم و چنگ شیران شوی «Ты идешь в жаркую пасть и лапы львов» вместо должного همی

¹⁵ Vullers, *Lexicon*, v. II, 1864, стр. 946.

در دم گاوَشیدان شوی «Ты идешь в жаркую пасть драконов, таких, как Гавшид».

Таковыми же представляются слова Афраснаба, который, отвечая на попытки Гарсиваза восстановить его против нашедшего у него убежище Сиавуша, полный сомнений и страха, говорит:

که اندر دلش بیم شمشیر نیست ز دد تیزدندان تر از شیر نیست
 کند مرغزاری تباه از گزند اگر بچه او شود دردمند
 نپسندد چنین داور هور و ماه وگر ما بشوریم بر بی گناه
 وز ایدر فرستمش نزد پدر ندانم جز آنکش بخوانم بدر

Каждая строка в отдельности ясна, так же как и общий смысл текста, но связь второго бейта с остальным текстом ускользает. Вероятно, в нем по логике событий должна была идти речь об отце Сиавуша — Каусе. Разночтения, имеющиеся в рукописях, позволяют восстановить это место поэмы следующим образом:

که اندر دلش بیم شمشیر نیست ز دد تیزدندان تر از شیر نیست
 کند مرغزارش پناه از گزند اگر بچه از پدر دردمند
 پسندد چنین داور هور و ماه؟ سزدگر بدآید بدو از پناه؟
 وز ایدر فرستمش نزد پدر ندانم جز آنکش بخوانم بدر

Согласно новому варианту текста, речь в нем пойдет не о Каусе, а о самом Афрасиабе, в стране которого Сиавуш нашел себе убежище.

Хорошо известен яркий и красочный рассказ Фирдоуси о преступной любви Судабе к Сиавушу.

Напомню те строки, которые вложил Фирдоуси в уста Кауса, полностью сомнений и гнева, — кто же преступник: сын или жена?

که گفتار هر دو نیاید بکا چنین گفت با خوبش تن شه-ریدار
 که نیکی دل آرد خردرا بخواب برین کار بر نیست جای شتاب
 گواهی نهد دل چو گردد درست نکه کرد باید برین در نخست
 ببادافره بد سزاوار کیست دبینم کزین دو گنه کار کیست
 بیویند دست سیاوش نخست بدان باز جستن همی چاره جست
 سراسر بیویند هر جای او بر و بازو و سر و بالای او
 همی یافت کاؤس بوی گلاب ز سودابه بوی می و مشکناб
 نشان بسودن ندید اندر وی نبود از سیاوش بدان گونه بوی
 دل خویشتن را پر آزار کرد غمی گشت و سودابه را خوار کرد

Весь текст представляется ясным и не нуждающимся в каких-либо конъектурах. Однако это не так. Лондонская рукопись содержит интересный вариант 6—8 строк, дающий возможность предложить новый текст, и тогда весь отрывок оживает:

بیویند دست سیاوش نخست بدان باز جستن همی چاره جست
 سراسر بیویند هر جای او بر و بازو و سر و بالای او
 همی یافت کاؤس بوی گلاب ز سودابه بوی می و مشکناб
 نشان بسودن نبود اندر وی نبود از سیاوش بدان گونه زوی
 دل خویشتن را پر آزار کرد غمی گشت و سودابه را خوار کرد

В этой связи обращаю внимание на то, что еще не ясна роль паузы у Фирдоуси. Что касается методов критики текста, то это вопрос особый, требующий своего рассмотрения.

Итак, задача, стоящая перед исследователями текста *Шах-наме*, состоит в том, чтобы дать строго документированный текст XIII в., по возможности приближенный к оригиналу путем освобождения его от интерполяций, больших и малых, а также пояснений и упрощений. Восстановление авторского синтаксиса и образов потребует немало кропотливого труда. В связи с указанными задачами важно также решить вопрос, имеют ли право лица, работающие над текстом, на произвольный (по своему, так сказать, вкусу) выбор разночтений, когда в этом нет необходимости, если только речь не идет об исправлениях (скажем, нарушения метры, рифмы, смысла и т. д.).

Теперь перейдем к третьему нашему случаю — когда имеющийся в нашем распоряжении текст того или иного произведения представляет позднейшую обработку не дошедшего до нас оригинала, название которого он зачастую носит. Здесь перед издателем уже отнюдь не стоит задача восстановить текст или приблизить текст к оригиналу, наоборот, ему предстоит установить текст позднейшей обработки сочинения. Именно так обстоит дело с «Историей Бухары» Наршахи.

Построенная по типу так называемых историй городов, появившихся как литературный жанр в IX в., «История Бухары» в том виде, в котором она до нас дошла, представляет своеобразную энциклопедию по истории (в широком смысле этого слова) одного из важнейших экономических и культурных центров Средней Азии.

«История Бухары» заняла свое место в качестве одного из важных источников по истории Средней Азии еще в середине XIX в. С этого времени исследователи используют имеющиеся в ней известия. Текст ее издан дважды (Шеферовское издание 1892 г. и Тегеранское 1939 г.), так же как и перевод (русский Н. Лыкошина, под редакцией В. В. Бартольда, вышедший в 1897 г., и английский перевод Р. Фрая — в 1945 г.). Специальному анализу текст подвергался В. А. Шишкиным и О. А. Сухаревой в связи с их исследованиями по топографии бухарского оазиса и самой Бухары. Однако мнения относительно «Истории Бухары» и ее текста до сих пор расходятся. Прежде всего во многом неясной остается история сложения текста. Не решен вопрос о редакции сочинения¹⁶. В этой связи новое издание текста «Истории Бухары» представляется необходимым.

История книги в том виде, в котором она до нас дошла, настолько сложна и первоначальный ее текст подвергся последовательно таким редактурам, сокращениям и дополнениям, что даже упоминание имени Наршахи в качестве ее автора вряд ли оправданно.

«История Бухары» Наршахи, законченная ее автором около 933 г., была, как известно, первоначально написана на арабском языке и составлена на основе ряда источников такого порядка, как Белазури, а также материалов и сведений разного рода, имевшихся в личном распоряжении Наршахи, в том числе и расспросных.

В XII в. труд Наршахи был переведен в сокращенном виде на персидский язык ферганцем Кубави, который вместе с тем существенно его дополнил известиями из Табари и других трудов, в том числе из не дошедших до нас двух сочинений: *Хаза'ин ал-'улум* Нишапури и *Ахбар-и Муканна* некоего Ибрахима. Что представляли эти два последних источника Кубави — мы не знаем. Выдержки из них, приведен-

¹⁶ О существующих по этому вопросу мнениях см. R. N. Frye, *The History of Bukhara*, Cambridge, Mass., 1954, pp. XI—XV (Introduction); O. A. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 7—12 (Введение).

ные Кубави, говорят об их большой ценности. Как удалось установить, в части хадисов Кубави использовал также неизвестные нам сочинения такого знатока хадисов, как Шамс ад-дин Абу Бахр Заранджари, на что до сих пор не было обращено внимания. Наконец, что для нас особенно ценно, Кубави, будучи местным уроженцем, как и Наршахи, дополнил свой труд рядом собственных наблюдений и расспросных сведений, создав по сути дела новое сочинение. Через какие-нибудь пятьдесят лет книга Кубави подверглась в свою очередь существенным изменениям. Она была отредактирована и сокращена бухарцем Мухаммадом б. Зуфаром для бухарского садра Абдалазиза II. Этому второму редактору «Истории Бухары» принадлежит компоновка глав и ряд позднейших добавлений. Наконец, в XIV в. «История Бухары» подверглась еще одной, четвертой, редакции, как сейчас известно, дополнившей книгу рядом позднейших известий. Есть основание думать, что в XV в. труд был снова изменен неизвестным нам лицом. Кроме того, начиная с XIII в. текст систематически расширялся и пополнился за счет своеобразного комментария рядом неизвестных лиц (возможно, просто переписчиками). Комментарий идет по двум линиям: а) поясняются топонимы и собственные имена; б) разъясняются непонятные с точки зрения переписчика места, в связи с чем иногда в текст вводятся довольно обширные рассуждения разного плана. Меняется (судя по нашим рукописям) и синтаксис. Намечаются две редакции этого сочинения, одна из которых, наиболее распространенная, относится, как можно полагать, к XIV в.

Таким образом, дошедшая до нас так называемая «История Бухары» Наршахи сложилась из разновременных частей и представляет новое сочинение, далеко отстоящее от своего арабского оригинала — «Истории Бухары» Наршахи. О последнем можно составить себе известное представление по довольно многочисленным цитатам из него, приведенным Сам'ани (XIII в.) в его алфавитном списке нисб; ни одна из этих цитат не сохранилась в дошедшем до нас тексте. Уже одно это обстоятельство говорит о колоссальных изменениях, которым подверглось сочинение с того времени, когда оно было написано автором. Эти изменения шли, с одной стороны, по линии сокращения авторского текста (утерявших свое значение частей), с другой — расширения его разными интерполяциями и пояснениями. Позднейшие засорения текста многочисленными пояснениями и мелкими интерполяциями объясняются прежде всего большой популярностью произведения и связанным с его популярностью огромным количеством его списков.

Каковы же задачи, стоящие перед исследователями, которые будут готовить новый критический текст «Истории Бухары»? Перед ее издателем отнюдь не встанет задача восстановить текст Наршахи или его переводчика — Кубави, ибо для проверки такой реконструкции у нас пока нет критерия. Задача будет состоять в том, чтобы прежде всего установить время последней обработки сочинения, а затем и текст этой обработки, по возможности очистив его от пояснений и интерполяций переписчиков. Очень важно будет при этом указать, где возможно, наиболее древние части текста и установить последовательность обработки оригинала. Работа над таким текстом представляется чрезвычайно сложной в связи с ее разноплановостью. Однако только такой метод исследования подобного рода сочинений даст текст, который сможет быть положен в основу любого исследования: исторического, географического, этнографического и т. д.